

В тюрьме было темно и сыро; в воздухе витал запах плесени, перемежающийся с запахом крови. На потрескавшихся и разломанных стенах висели железные орудия пыток, их острые лезвия все еще были окантованы остатками содранной гнилой плоти и крови. При одном взгляде на это место можно было сразу почувствовать грязь и копать.

Сяо Фэн У снял свою одежду и переоделся в белое одеяние заключенного. Под руководством Цзян Пин Аня он направился к тюремным камерам и еще до того, как подошел, услышал громкий и тихий хор криков и стонаний; были мужские и женские голоса, все они были в отчаянии и абсолютном страдании, от осознания того, что надежды нет.

Цзян Пин Ань объяснил:

"Мужчины - слева, женщины - справа. Довольно много членов семьи Сяо уже задержаны".

С наручниками на руках, Сяо Фэн У стоял между двумя тюремными камерами и по какой-то причине не произносил ни слова, словно прислушиваясь к голосу Цзян Пин Аня. С правой стороны раздались быстрые шаги, и красивая женщина решительно бросилась к двери своей камеры, крепко вцепившись в прутья решетки и изо всех сил стараясь заглянуть в щели, она требовательно спросила:

"Шестнадцатый брат, Шестнадцатый брат! Это ты, Шестнадцатый брат?!"

Она была одиннадцатой в семье Сяо, а также одиннадцатой сестрой Сяо Фэн У.

Звук ее голоса был подобен камню, брошенному в воду, и со всех концов тюрьмы тут же поднялся шквал движения, перекрывая все крики и причитания:

"Шестнадцатый брат?! Шестнадцатый брат тоже пойман?!"

"Небеса хотят избавиться от семьи Сяо!"

Второй брат, третий брат, четвертая сестра, пятая сестра, шестой брат, девятый брат, десятый брат, и, возможно, было больше его братьев и сестер, но так как людей было слишком много, Сяо Фэн У не мог различить их всех.

Без единого звука он закрутил наручники на своих запястьях, затем прошел налево и вошел в специально подготовленную одиночную тюремную камеру Цзян Пин Аня, соседом которого был Сяо Фэн Мин.

В каждой камере вокруг него сидели люди из семьи Сяо, по двое в каждой камере, чтобы не было слишком тесно. Сяо Фэн У, обнаружив насекомых и жуков, ползающих по селу, которым была устлана земля, и плесень на краю кровати, решил продолжать стоять.

В семье Сяо было слишком много людей, но сестер можно было назвать довольно любящими по отношению к Сяо Фэн У, этому их младшему брату, да и сами братья были вполне в ладу друг с другом.

Напротив них шестой брат, Сяо Лю Ге, слегка фыркнул и выплюнул травинку из рта:

"Шестнадцатый брат, твое отношение к "молодому господину" все еще не может измениться, даже на этом этапе. Какой смысл заботиться о том, чисто или нет, когда наши головы вот-вот оторвутся. Потратьте время на то, чтобы хорошо выспаться".

Их сосед, Сяо Фэн Мин, ругался без остановки, хватаясь за решетку тюрьмы:

"Все из-за этого ублюдка Сяо Линь Ру! Из-за этого ублюдочного мерзавца!"

Второй брат, Сяо Эр Гэ, был самым спокойным из всех, он слегка нахмурил брови, услышав это, и сказал серьезным тоном:

"Седьмой брат..."

Сяо Фэн Мин все еще испытывал некоторый страх и немедленно захлопнул рот.

Расстояние между мужской и женской тюремными камерами было не таким уж большим, и вскоре со стороны женщин снова послышались тихие всхлипывания. Возможно, от избытка чувств мужчины тоже начали затихать.

Сквозь щели в решетке Сяо Фэн У увидел, что все его братья сидят или спят на полу. Только седьмой, Сяо Фэн Мин, все еще бормотал и ругался на Сяо Линь Ру, проклинал своих предков, даже проклинал себя, какой идиот.

Сяо Фэн У был странным человеком. В то время как другие страдали и плакали, он не испытывал подобных чувств.

Наконец, он почувствовал, что немного устал от стояния. Он нашел довольно чистое место у кровати, сел и закрыл глаза, чтобы отдохнуть.

В кровати было маленькое окошко размером с ладонь, через которое проникал воздух, и по мере того, как день медленно угасал, свет тоже начинал меркнуть.

Когда Сяо Фэн У очнулся, половина его тела была покрыта тенью. Когда его рука легла на колени, до него дошло, что на этот раз он, скорее всего, действительно умрет.

Это был его первый раз, когда он был так близок к смерти.

Угасающие солнечные лучи навевали меланхолию, одиночество, от которого невозможно было избавиться. Атмосфера внутри тюрьмы также была наполнена оглушительной тишиной и мрачностью. По мере того, как пыль в воздухе взлетала вверх и опускалась вниз, навязчивое чувство умирающей надежды начинало расти и расти.

Солдаты притащили еще одного приговоренного к смерти заключенного, предположительно бандита, и, похоже, он подвергся довольно сильным пыткам, поскольку у него было вырвано десять ногтей. Говорили также, что он перенес сотню ударов деревянными досками, которые превратили его левую ногу в грудку плоти, разрушив кости и мышцы. Когда его тащили по полу, все еще были видны слабые вкрапления костей.

Когда Сяо Фэн У увидел след темной крови, оставшийся после волочения тела, он наконец почувствовал тот страх, который испытывают обычные люди. Он не боялся смерти, но он смертельно боялся грязи, которая приходит со смертью, невыносимой боли смерти. Испытывая дискомфорт, он тут же поднялся с кровати и посмотрел сквозь решетку, чтобы увидеть бандита, все еще продолжающего мучиться под пытками.

Камера пыток находилась недалеко, и все заключенные могли видеть ее, хотя бы для того, чтобы сделать заявление.

Сяо Фэн Мин тоже наконец прекратил свой бессовестный треп и начал разговаривать сам с собой тихим бормотанием, его глаза были потрясены до глубины души,

"Мой гребаный отец, который уже умер, его нога уже так раздроблена, и кровь течет безостановочно. Если кровь не остановится, он умрет. Рано или поздно эта кровь привлечет в рану всевозможных насекомых и жуков, а разве это не страдание, просто живя?".

Лицо Сяо Лю Ге было чрезвычайно бледным:

"Седьмой брат, заткнись! Думаешь, это еще недостаточно страшно?!"

Девятый брат, Сяо Лао-Цзю, оглянувшись, обнаружил, что их пытаются клеймом, и звук шипящей плоти заставил их всех задрожать и почувствовать онемение, проходящее до самого сердца.

Подсознательно он сказал:

"Даже если он пройдет через все это, эту ногу придется отрезать. Такое клеймо легче заживает, если использовать экстракт камбии, чтобы остановить кровоточащие раны, и это, несомненно, будет болезненно, но через некоторое время все должно зажить. Надеюсь, когда дело дойдет до нас, братьев, не будет болеть ни суставы, ни мышцы, ни кости".

Сяо Лю Ге находился в одной камере с ним, и он тут же поднялся и пнул его прямо в зад:

"У тебя есть еще что сказать, мать твою?!"

Лао Цзю сильно ударился и со злостью поднялся на ноги, чтобы ударить его в ответ:

"Что? Что, блядь, я сказал?! Разве это была не правда?! Мы уже в тюрьме, приговорены к смерти, а ты все еще думаешь, что мы сможем выйти, ничего не испытав! Вам придется испытать все 36 способов пыток!"

Эти двое дрались очень яростно, и даже выговоры Сяо Эр Гэ не могли их остановить. Когда Цзян Пин Ань услышал, что ситуация ухудшается, он ударил хлыстом по прутьям, и резкий пронзительный звук сразу же остановил их обоих.

С грозным голосом Цзян Пин Ань сказал:

"Продолжайте бороться, и вы оба сможете пойти и попробовать!"

Сяо Фэн У никогда в жизни не страдал. Хотя он и пережил немало семейных наказаний, но стоять на коленях перед памятными табличками предков и вырывать ногти или получать клеймо от раскаленного железа - это два разных уровня. Прошло совсем немного времени после падения с пьедестала семьи Сяо, и его подобрал Цинь Мин Юэ, который давал ему хорошую еду и одежду, позволяя обслуживать себя так же хорошо.

Он мог улыбаться, когда говорил о жизни и смерти, но это, несомненно, было связано с тем, что он не испытывал настоящих страданий и боли. По сравнению с тем, что было сейчас, его сердце действительно не могло успокоиться.

Неужели на этот раз он действительно умрет?

Терпеть пытки, чтобы ему отрубили голову?

Сяо Фэн У не знал, сможет ли он выдержать все это.

Цзян Пин Ань начертал на лице бандита какое-то слово, черную и неразборчивую печать, на которую было очень трудно и неприятно смотреть. Увидев неподвижный взгляд Сяо Фэн У, лицо которого было смертельно пепельного цвета, он рефлекторно подошел к нему:

"Врач Сяо, вы.....?"

Когда Сяо Фэн У вошел в тюрьму, он спрятал у себя мешок серебряных таэлей, и теперь он

передал столько, сколько смог, Цзян Пин Аню, сказав:

"Мне придется попросить вас помочь мне подготовить набор кистей, тушь и бумагу".

Цзян Пин Ань не взял деньги и протянул все обратно:

"На улице еще есть немного". Преступник только что закончил подписывать свои преступления, и набор еще не упакован. Через некоторое время я занесу его в дом. Возможно, вам придется остаться здесь на некоторое время, поэтому держите деньги при себе, пока можете".

Сяо Фэн У смог только убрать руку и через полчаса сказал:

"..... Спасибо."

Сяо Фэн Мин ухватился за тюремную решетку и жалобно произнес:

"Шестнадцатый брат, ты пишешь завещание? Дайте мне, пожалуйста, немного бумаги".

Сяо Лю Ге фальшиво улыбнулся:

"Здесь вся наша семья, для кого ты его пишешь?"

"У меня есть жена и ребенок, в отличие от тебя, который просто старый одинокий человек!"

Поскольку они не были заключены в одной тюремной камере, Сяо Фэн Мин не боялся, что Сяо Лю Ге сможет его ударить, поэтому он беззаботно разинул рот:

"Кроме того, разве Восьмой брат еще не здесь?"

Второй брат Сяо смотрел, как охранник уходит дальше, а потом тихо сказал:

"Он присоединился к купеческому каравану, идущему в Си Юй. Возможно, из всех нас, братьев, у него больше всего надежды на жизнь".

Другими словами, все они здесь, вероятно, находились в камере смертников.

Сяо Фэн У зажег масляную лампу. На улице было еще довольно светло, темнота едва касалась неба над головой. Цинь Мин Юэ был не из тех, кто слоняется без дела, он уходил и уходил один, не желая разговаривать с другими. К тому же сегодня у него был поздний спектакль,

поэтому он, скорее всего, даже не знал, что Сяо Фэн У задержали, и, вероятно, придет сюда только завтра.

Цинь Мин Юэ.....

Мин Юэ.....

Сяо Фэн У поднял кисть, обмакнул ее в тушь, но долго не мог вывести ни одного иероглифа. Вдруг он спокойно спросил вслух:

"Есть ли какое-нибудь лекарство, которое позволит человеку умереть, не издав ни звука, без страданий и боли?"

Иногда яд мог спасти жизнь; если он не мог вынести мучений, он мог проглотить его, и смерть была бы своего рода освобождением.

Все подняли головы на его вопрос, и после некоторого молчания все поняли, что он имел в виду. Но все равно никто не издал ни звука. В конце концов, в глубине души все они боялись смерти, не желая признавать поражение, что их жизнь закончится вот так. Сяо Фэн Мин сглотнул слюну, а затем дрожа, спросил:

"А Хун Хуа Сань считается? "

Сяо Фэн У медленно поднял глаза:

"Перед смертью тебе придется страдать от острой боли в животе не менее пяти минут. Сможешь ли ты выдержать это?"

Конечно, нет.

Сяо Фэн Мин не издал ни звука. Он мог только спасать людей, но не убивать других.

Сяо Лао Цзю задумался.

"Луо Янь Ша? "

Сяо Фэн У размышлял об этом, но все же он не смог поставить удар:

"Там жесткий белый шелкопряд, который водится только в Си Юй. Кого ты попросишь достать его для тебя? Восьмой брат?"

Начались многочисленные разговоры, обсуждая, какой способ умереть будет наиболее удобным. Их разговор дошел до женской половины, где раздался внезапный громкий стук по тюремной решетке и грохот цепей:

"Неужели учения, переданные от наших предков, можно использовать таким образом?! Мы, женщины, даже не пытались найти способ умереть, а мужчины уже не выдерживают! Неужели вам не стыдно и не совестно! Если вы действительно хотите умереть, тогда бейтесь головой об стену. Какой смысл обсуждать, какое лекарство лучше, а какое нет, ведь даже самое лучшее, использованное на ваших телах, окажется напрасным!"

Голос женщины внезапно прервал их размышления и сразу же вызвал страх у всех собравшихся братьев. Сяо Фэн Мин заметно сжался, прежде чем сказать:

"Это четвертая Сестра. Как она может быть такой свирепой даже после того, как ее посадили в тюрьму?"

Сяо Фэн У на некоторое время закрыл глаза, а затем снова открыл их. Он поднял кисть и набрал немного чернил, чтобы начать писать. На словах появилось мерцание света, и они четко вырисовывались на бумаге, превращаясь в недостающую часть их семейного учения.

Голос Сяо Фэн У был холодным и спокойным, но на этот раз он обращался к женщинам по другую сторону тюрьмы:

"На юге была богатая семья с прекрасной наложницей, у которой долгое время не было ребенка. В поисках рецепта, который мог бы ей помочь, она стала принимать Юй Ин Дань, добавляя в него траву пустытника, цистанхе пустынноживущей, фарфоровую ягоду, жесткий белый шелкопряд, корень ластовня черноплодного, все это смешивалось вместе на слабом огне. Вместе с Ку Хуанг Ти Танг она забеременела еще до конца месяца. Могла ли она сохранить этот плод?"

На женской стороне сразу же воцарилась тишина, пока не послышался шорох. Через некоторое время раздался нерешительный голос, как будто это была одиннадцатая сестра:

"Этот рецепт слишком агрессивный, слишком вредный. Плод выкармливается живой кровью, что уже непросто. С Ку Хуанг Ти Тангом, который торопит яичники с яйцеклеткой, слишком много забот. Три-пять месяцев - это еще нормально, но если дольше, то организм матери будет высасывать слишком много, и беременность будет трудно сохранить".

Сяо Фэн У не переставал писать, продолжая спрашивать:

"Если эта прекрасная наложница использовала редкие и дорогие лекарственные ингредиенты, чтобы насильно сохранить жизнь им обоим, и ей повезло доносить беременность до самых родов, но плод находится в неправильном положении?"

В женской части тюрьмы раздался ропот, когда четвертая сестра Сяо Си Цзе задумалась и сказала:

"Если ребенок находится в неправильном положении, его можно заставить измениться. Но это не может быть мгновенным процессом. Для этого требуется не менее трех-четырёх месяцев. Также требуется опытная акушерка, которая будет прогревать и массировать живот с помощью специального масла, чтобы медленно переместить плод в правильное положение. Но если ребенок уже на стадии родов, он слишком большой, чтобы выйти правильно, и это, вероятно, будет означать смерть двоих".

Возможно, это была скука, но видя, что Сяо Фэн У говорит с другой стороной, Сяо Фэн Мин не мог не прервать его:

"Э-э-э-э, какой смысл так много думать. Женский женьшень, сафлор, кора древовидного пиона, корень монашеской дочери, ревень, таорен, кора кассии, ризома куркумы, по 25 грамм каждого, варить, пока все не побелеет и не свернется в пилюлю, а затем принять все это вниз.....".

Сяо Лю Гэ тут же выплюнул:

"Вы оставляете ребенка и убиваете мать! Неужели у тебя нет совести!"

Сяо Фэн Мин не отступил и сказал:

"Лучше пусть один умрет, чем двое!"

Сяо Фэн У ничего не ответил на их замечания, и у него под боком начала скапливаться толстая пачка бумаги. Вдруг он сделал паузу и поднял кисть. Слабое мерцание света блеснуло на стороне его ладони: слабый желтый цвет, но при этом резкий контраст белого, как будто это был острый блеск лезвия.

Как будто он спрашивал других, но в то же время как будто говорил сам с собой:

"Если разрезать живот и вытащить ребенка?"

Не то чтобы такой случай не был записан в истории, как в книге Сыма Цяня << Шицзи - Наследственный дом Чу >>, было записано, что У Хуэй имел сына Лу Чжуна, а Лу Чжун имел еще шесть детей, и у них были кесаревы роды. Так что, хотя риск и был, он не означает попытки.

Сяо Си Цзе подслушивала и сразу же спросила:

"Эта наложница должна быть довольно слабой, и если она потеряет слишком много крови, что можно сделать? Или, если в середине родов она потеряет слишком много энергии, и ребенок умрет в утробе, что тогда делать?"

У Сяо Фэн У, казалось, появилась идея:

"Уколы Конг Цзуй, Инь Бай, Ся Ляо, Чэн Цзи, Инь Цюэ, Пи Шу, Шен Мен и т.д., чтобы остановить кровь, кусочек женьшеня в рот, чтобы они дышали, принять Цуй Шэн Тан, чтобы вызвать роды, разрезать живот, чтобы взять ребенка, и добавить стабилизирующий лекарственный суп с оленьими рогами, диким женьшенем, гусеничным грибом, тянь ма, снежным лотосом....." .

Не успел он закончить, как Сяо Эр-Жэ сказал, плотно нахмутив брови:

"Не валяй дурака! Такие слишком целебные лекарства собраны вместе. Это слишком вредно".

Сяо Фэн Мин вздохнул и безразлично сказал:

"Если это вредно, значит, так оно и есть. Мы все собираемся встретить смерть лицом к лицу, так что же будет, если пациента не удастся спасти. Какой смысл заикливаться на том, что хорошо, а что нет? Если бы это зависело от меня, давайте просто сохраним наши силы и сделаем все возможное, чтобы стать лучше".

Сяо Фэн У закончил писать еще на нескольких листах бумаги и аккуратно сложил их, размышляя:

"Смертельный прогноз требует агрессивного подхода. Нужно только представить, что это живая лошадь, а не мертвая " .

Затем он встал, чтобы стряхнуть онемение с ног. Подойдя к двери тюрьмы, он как раз собирался окликнуть Цзян Пин Аня, когда услышал быстрые шаги, а затем, сразу после этого, через коридор к нему метнулась тень.

"Шестнадцатый мастер!"

Это был Цинь Мин Юэ. Возможно, он получил новость слишком неожиданно, так как его лицо было совершенно бледным от бега. Его руки крепко вцепились в ледяные железные прутья клетки, а глаза феникса расширились и округлились от шока.

Сяо Фэн У редко видел Цинь Мин Юэ в таком смятении, и Цинь Мин Юэ тоже очень редко видел Сяо Фэн У в таком смятении. Они смотрели друг на друга, между ними были решетки тюремной камеры, и они не могли произнести ни слова.

Цзян Пин Ань посмотрел налево и направо, а затем прошептал:

"Не торопись, иначе тебя могут найти".

Затем он повернулся, чтобы уйти. Сяо Фэн У пришел в себя только после того, как услышал шаги, удаляющиеся все дальше и дальше:

"Зачем ты пришел сюда?"

Он пнул ногой сено у двери, но нашел кучу мокрых крысиных какашек. В конце концов, он так и не смог заставить себя сесть и только продолжал стоять и говорить.

Увидев его в арестантском наряде, выглядящего гораздо более нищим, чем во времена распада семьи Сяо, Цинь Мин Юэ стиснул зубы так сильно, что на лбу выступили вены. Он холодно спросил его:

"Мне не следовало приходить сюда?"

Сяо Фэн У ничего не ответил. Он некоторое время смотрел на Цинь Мин Юэ, затем, поколебавшись, протянул руку через решетку. Он стер остатки макияжа, которые тот не успел полностью удалить, и погладил пальцем по щекам:

"Не приходи сюда больше, иначе будешь замешан".

Цинь Мин Юэ оглянулся на него:

"Думаешь, я испугаюсь?"

Сяо Фэн У улыбнулся:

"Хорошо, мне действительно есть о чем попросить вас".

Он передал толстую пачку бумаги, чернила на которой почти высохли:

"Здесь рецепт. Помогите мне сделать несколько дюжин этих таблеток и принесите их обратно. Остальные бумаги, не относящиеся к пилюлям, я попрошу вас привезти в столицу и придумать, как передать их генералу Хуай Хуа. Пусть он принесет их моему второму дяде. Они немного знакомы, так что он должен быть в состоянии оказать помощь".

Цинь Мин Юэ принял бумаги и взглянул на них, его пальцы сжались на стопке. Он тихо спросил:

"Что это за рецепты?"

"Не спрашивай, Мин Юэ. Знаешь, мне никогда не нравилось изучать лекарское искусство, мне всегда казалось, что травмы - это слишком грязно и отвратительно, даже глаз не хочется подавать. Как же ты мог отпустить меня и согласиться на пытки. В то время от меня не осталось бы даже полного тела".

Сяо Фэн У улыбнулся и покачал головой, говоря:

"Твое тело будет разделено на части, это слишком страшно".

Как это могло произойти в такой момент времени.....

Как это могло случиться в такой момент.....

Небеса не наказывали семью Сяо, они наказывали его, Цинь Мин Юэ.

Уголки глаз Цинь Мин Юэ покраснели, а дыхание становилось все тяжелее и тяжелее. Он закрыл глаза и крепко вцепился в ледяные руки Сяо Фэн У, тихо сказав:

"Не бойся. Я обязательно придумаю, как вытащить тебя отсюда. Даже если я не смогу, ты не останешься один на пути к Хуан Цюаню. Шестнадцатый мастер, я буду сопровождать вас".

Неважно, насколько холодным он выглядел, насколько изолированным он был, его личность оставалась такой же чистой и простой, как и раньше. Когда тебе кто-то нравится, ты готов на все, даже вырвать свое сердце, так что как он мог заботиться о своей собственной жизни.

Сяо Фэн У посмотрел на него:

"Я этого не стою".

Силы Цинь Мин Юэ, казалось, было достаточно, чтобы сломать его кости, его голос все еще был таким упрямым и упрямым:

"Я сказал, что ты этого стоишь, значит, ты этого стоишь".

Примечания:

*1 Когда упоминаются братья/сестры Сяо Фэн Ву, например, "Сяо Эр Гэ", это не его имя, а обращение к нему, как указано в сноске к 3-му тому, Сяо - фамилия, Эр - (обычно) указание на порядок рождения, а Гэ - брат (Цзе - сестра), так что это просто легкое обращение, чтобы сказать, что это второй брат семьи Сяо (и для всех остальных братьев/сестер тоже).

И когда позже на него ссылаются, например, "лао-цзю", это похоже на предыдущую сноску в предыдущей главе (главах), лао - это еще одна ссылка, как старший/старейшина.

*2 36 способов пыток: нет точной документации, которая объясняла бы, какие именно 36 способов пыток (или даже инструментов) он упоминает. Утверждается, что существует 5, 22 или 72 категории (и еще много разных вариантов этого числа, так как человеческой фантазии в этом вопросе, похоже, нет предела).

Я избавлю вас от большинства деталей (так как было абсолютной ошибкой пытаться гуглить/байду, что я действительно не рекомендую, так как история довольно удручающая, безумная и печальная), но большинство из них можно классифицировать как способы причинения вреда человеческому телу (разделение на плоть и части тела, такие как татуировка на лице/клеймо или отрезать часть тела/быть сваренным заживо/разбить на куски плоти и т.д.) или быть изгнанным в дикую природу/на тяжелые работы. Это также может быть просто ссылкой на количество орудий пыток в тюрьме, но я не совсем уверен (и не думаю, что я действительно знаю...).

*3 Мемориальные таблички предков: см. сноску в томе 4.

*4 Хун Хуа Сань: технически может быть порошком сафлора, но я не уверен, что это правильный перевод, так как большинство случаев использования было связано с другими вещами, такими как месячные/роды, так что это может быть не настоящий порошок, а другой способ сказать ядовитые вещи... и т.д., так что я просто оставляю это на пиньинь.

*5 Luo Yan Sha: в основном легендарное лекарство, известное как ядовитое, без вкуса и цвета, обычно используется для отравления боевых мастеров и т.д.

*6 Yu Ying Dan: означает "пилюля для белого и драгоценного нефрита, как ребенок", где ребенок описывается как он только вышел из утробы матери и т.д.

Su Huang Ti Tang: суп "лютеинизирующие гормоны", то есть то, что помогает в репродуктивном цикле.

*7 ремень: не кулинарный сорт; в основном используется для лечения кишечных проблем, буквальный перевод - "большой желтый".

*8 Шицзи - "Записи великого историка", в которых подробно описывается история древнего Китая. Она считается первой универсальной историей мира и была записана Сыма Цянем (а также начата его отцом).

*9 Kong Zui, Yin Bai, Xia Liao, Cheng Ji, Yin Que, Pi Shu, Shen Men: У меня не было много времени на поиск точек давления, и большинство диаграмм, которые я видел, просто использовали варианты перевода с китайского на английский, как пиньинь, но некоторые были немного другими, поэтому я не уверен, каковы были критерии перевода. Чтобы не усложнять, я решил просто использовать пиньинь, поскольку он не совсем уместен или используется слишком часто в дальнейшем.

В связи с этим, Kong Zui - это точка давления, которую нужно кратко расположить... примерно на полпути между запястьем и локтем, Yin Bai - около угла ногтя большого пальца ноги, Xia Liao - около точки прямо рядом с раздвоением ягодиц, Cheng Ji - между нижней губой и подбородком, Yin Que - около запястья, Pi Shu - посередине спины, и Shen Men - прямо по бокам мизинца на краю запястья.

*10 "притворись, что это живая лошадь, а не мертвая": технически поговорка звучит так: исцели/диагностируй мертвую лошадь как живую, что и означает поговорка, в основном, как последнее средство, когда все остальное не помогло.

*11 Хуан Цюань: пожалуйста, см. сноску из предыдущего тома #1, отступление.

<http://bllate.org/book/17367/1629055>